

УДК 001:008

DOI 10.31249/scis/2023.03.01

Али-заде А.А.*^[1]

ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВНИ МЫШЛЕНИЯ, МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И НАУКА

Ali-zade A.A.

EMPIRICAL AND THEORETICAL LEVELS OF THINKING, MASS MAN AND SCIENCE

Аннотация. В статье разрабатывается тема ментальной структуры общества как фактора общественного развития. Дается характеристика таким структурным единицам общественного сознания, как массовое сознание и научное мышление. Детально исследуется феномен массового человека в отношении научного развития на переходе из общества XX в. в общество XXI в.

Ключевые слова: эмпирическое сознание; теоретическое мышление; массовое сознание; массовый человек; научное мышление; наука; философия науки; позитивизм; постпозитивизм.

Abstract. The article develops the theme of the mental structure of society as a factor in social development. The characteristic is given to such structural units of social consciousness as mass consciousness and scientific thinking. The phenomenon of mass man is studied in detail in relation to scientific development at the transition from the society of the 20th century to the society of the 21st century.

* [1] Али-заде Александр Алиевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке образованию и технологиям ИНИОН РАН, Москва, Россия.

Ali-zade Alexander A. – PhD in Philosophy, Leading Researcher of The Centre for Academic Research and Informational Studies on Science, Education and Technologies, INION, Moscow, Russia.

Keywords: empirical consciousness; theoretical thinking; mass consciousness; mass man; scientific thinking; science; philosophy of science; positivism; post-positivism.

Мыслительный аппарат человека имеет два уровня – эмпирический и теоретический. Такова природная данность человеческого рода. Эмпирический уровень отвечает за отражение видимого многообразия действительности, установление поверхностных связей внутри этого видимого многообразия и, на такой основе, формирование эмпирической, т.е. поверхностной картины мира. Теоретический уровень предусматривает то, что называется интеллектуальной рефлексией – анализ, оценку эмпирического материала с целью проникнуть в его глубинные, не лежащие на поверхности связи, сформировать идею, концепцию видимых связей для объяснения и прогнозирования их поведения. Человеческое мышление таково, что эмпирический и теоретический его уровни нераздельны. Человек – в принципе рефлексивное, по классическому определению человека, «относящееся» существо: «Там, где существует какое-либо отношение, оно существует для меня; животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [3, с. 29]. То есть человек, способный относиться ко всему и вся, не сразу, инстинктивно, отвечает на стимулы, а именно опосредует связку «стимул – ответ», именно вырабатывает ответ в акте индивидуальной свободы воли, теоретического мышления. Поэтому эмпирическое мышление характеризует людское единомыслие, массовость человека, теоретическое же мышление – человеческую индивидуальность. Соотношение единомыслия (эмпирического мышления) и индивидуальности (теоретического мышления) в каждом конкретном человеке и определяет, кто этот человек. Реальные люди в силу статистически складывающихся разных условий своей социализации (прежде всего условий родительской семьи) имеют разный уровень теоретического мышления, рефлексии – разный уровень индивидуализации своего сознания. И это создает большую и неустранимую социальную проблему, которой озаботились еще Сократ и Платон, увидевшие связь между степенью индивидуализации сознания индивида и его моральным сознанием: высокий уровень теоретического (самостоятельного, критичес-

кого) мышления позволяет индивиду правильно оценивать, что есть добро, а что – зло. Сократ и Платон понимали, что зло в обществе (дефицит морального сознания) можно серьезно снизить, если поднять в массовом человеке уровень теоретического мышления (интеллектуальной, в том числе моральной рефлексии). Поэтому Сократ использовал практику бесед со случайными людьми с целью побудить каждого из них к самостоятельному мышлению. По-видимому, Сократ был первым когнитивным психологом, работавшим и на практике применявшим собственную методику активизации у людей рефлексивного сознания. Именно Сократу принадлежит нетривиальный и прозорливый вывод о корнях асоциальных проявлений: человек, не приученный думать, находится в отношении морали и правильных поступков в большом тумане, он не знает, где истина, а где заблуждение, не знает, как себя нужно вести, и поступает не по долгу, а по склонности, т.е. очень часто – из эгоистических и эгоцентрических побуждений. Человек, по Сократу, обязан напряженно размышлять и образовываться, и это единственный путь к достижению человеческого и общественного идеала. Платон же пытался справиться с общественной проблемой слабо индивидуализированного массового сознания, предложив институциональный проект «идеального общества», устроенного так, что правителями его должны быть «философы» (люди, наделенные развитым теоретическим мышлением и, значит, высоким моральным сознанием), а чтобы исключить «плохую» социализацию подрастающего поколения, родительские семьи обязывались отдавать своих детей проверенным общественным воспитателям. Кстати, Платон при всей наивности конкретики своего проекта мыслил вполне в рамках сформулированной лишь в XX в. теории систем, согласно которой нормальное функционирование любой сложной системы (в том числе общества) обеспечивается управляющей структурой, более «умной», чем система в целом [1]. Вот он и предложил для общественной системы «умную» управляющую структуру в лице «философов» и «проверенных общественных воспитателей».

Между тем массовый человек с его слабым теоретическим мышлением – низкой способностью анализа, несамостоятельностью поведения, готовностью стать «человеком толпы» – потому и определяется как массовый, что он всегда составлял, составляет и

будет составлять статистическое большинство человечества (социологи дают цифру в 70–80%). Платон не случайно считал наихудшим общественным устройством современную ему демократию – демократию большинства (а общественное большинство и есть эти самые 70–80% массового сознания) – именно потому, что он справедливо отождествлял демократию большинства с охлократией, властью толпы. Французский социолог С. Московичи вообще охарактеризовал XX век «веком толпы», описав особое состояние «массового человека», когда он превращается из представителя нормального общественного большинства в «человека-массу», утрачивая индивидуальность и становясь частицей толпы. Неотъемлемой стороной и прямыми бенефициарами превращения общества в толпу выступают разного рода диктаторы с их болезненным желанием получать постоянное подтверждение, что их любят, уважают, боготворят, что характерно проявляется в организации массовых празднеств – парадов и других демонстраций, где диктаторы непосредственно ощущают свою власть над массой людей. Вот как С. Московичи говорит о сути подобных массовых демонстраций: «Выделяясь на фоне людской массы, которая расточает ему всяческие похвалы и курит фимиами, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом, подавляет, опутывая страхом. В глазах такого раздробленного людского множества индивидов он является массой, ставшей человеком. Он дает ей свое имя, свое лицо и свою активную волю. Наполеон великолепно умел производить такое впечатление на солдат французской революционной армии. А Сталину удалось воплотить для массы то, что называется “согласием народа в одном человеке”. И один, и другой были убеждены в безграничном благоговении множества людей, которым они взялись служить образцом. Превращение многочисленной толпы в единое существо придает вождю притягательность сколь зримую, столь и необъяснимую. Такое искусство политика возбуждать толпы есть не что иное, как религия, вновь обретшая почву под ногами» [4, с. 27–32]. Отсюда же – и страсть диктаторов к завоевательным войнам, экспансии своей власти на новые территории, над большей массой людей. Австрийский исследователь Ф. Шахермайр, посвятивший свою науку изучению личности Александра Македонского, рисует эту вполне почитаемую фигуру «великого завоевателя» как человека, который

не мог вынести, что какой-либо народ находится еще вне его, Александра, власти и пока не попал в «плавильный котел» его империи. Жажда объединить все народы мира под своей личной властью – таков был, доказывает Ф. Шахермайр, исключительный мотив поведения Александра Македонского: «Александр, несмотря на полное отсутствие поводов к войне, везде выступал как завоеватель и агрессор. Он считал своим врагом любой народ, любое государство, любого правителя, не приветствующего его и заранее не выражающего покорности и смирения. Покоренным Александр предоставлял только один выбор: либо полное подчинение, либо гибель. Такие действия можно было бы признать странными и необъяснимыми, если бы не притязание Александра на завоевание всего мира. Для властелина, считавшего покорение мира своей ниспосланной свыше миссией, все это совершенно естественно» [7, с. 339].

Почему именно XX век назвал С. Московичи «веком толп»? Потому что в нем появились мощные инструменты «строительства толп» в виде популярной левой, коллективистской (коммунистической) идеи и ее, охватывающих огромные аудитории, рупоров – СМИ, радио, телевидения, – которые намеренно использовали рекламный (упрощенный, навязчивый) стиль подачи информации, рассчитанный именно на массовое, неиндивидуализированное сознание, легко поддающееся зомбированию. Общественную опасность легко поддающегося зомбированию массового человека – всегдашнего большинства человечества – хорошо объясняет предложенная З. Фрейдом схема устройства человеческой психики, включающая «Я» (сознание), «Сверх-Я» (социальные, цивилизационные нормы и правила) и «Оно» (подсознательную сферу). Пока «Оно» находится под контролем «Я» и «Сверх-Я», индивид нормален. Если же «Оно» по тем или иным причинам ломает этот контроль, начинает повелевать, распоряжаться индивидом, тот становится непредсказуемым, сумасшедшим. Массовый человек с его ослабленным «Я» (неиндивидуализированным, несамостоятельным сознанием) легко подпадает под власть своего «Оно», своего подсознания, которое, ломая все социальные, цивилизационные сдержки, делает индивида опасным асоциальным субъектом. А поскольку массовый человек составляет большинство любого общества, то раскрепощение в нем «Оно» соответствующей

пропагандой-зомбированием (кто бы ни были эти пропагандисты) превращает большинство общества в толпу, в коллективное бессознательное со всеми признаками коллективного сумасшествия. Подтверждением этой психоаналитики З. Фрейда служит то обстоятельство, что человечество, населенное в основном массовым человеком, постоянно «сходит с ума», впадая в малые и большие войны. Американский социолог Питирим Сорокин привел реальный бытовой случай подобного стадного поведения людей, не отдающих себе отчета, почему они так поступают, когда вслед за повесившемся на вбитом в дерево крюке нашлось несколько человек, повесившихся на том же крюке, и достаточно было просто убрать злополучный крюк, чтобы этот странный ряд самоубийств закончился. П. Сорокин назвал такое, на первый взгляд, невероятное поведение «заражением» – люди почему-то «заражались» ситуацией самоубийства [6]. Однако разгадка состояла в том, что этими людьми были представители массового сознания, у которых ситуация спровоцировала раскрепощение их подсознания – утрату контроля «Я» и «Сверх-Я» над «Оно». С одной стороны, массовый человек представляет большинство обычных, «нормальных» людей, но с другой – большинство людей, несущих опасность охлократии, коллективного бессознательного, асоциальности. Эту двойственность массового человека уловили мыслители Просвещения Дж. Локк и Т. Гоббс. Дж. Локк считал, имея в виду массового человека, что люди в основном «хорошие», и поэтому надо дать им возможность выстраивать нормальные демократические институты при минимальном участии государства в этом строительстве. Т. Гоббс же, имея в виду того же массового человека, напротив, полагал людей в основном «плохими», и потому выстраивание демократических институтов должно идти под строгим контролем государства. То есть, оба мыслителя противоположно оценивали общественный потенциал массового человека, один – со знаком «плюс», другой – со знаком «минус».

У массового человека – нормальное обыденное сознание, но оно не предусматривает развитое теоретическое мышление и связанные с ним рефлексии, ставящие перед индивидом концептуальные, ценностные вопросы его самоопределения. Рефлексии массового (обыденного) сознания направлены на решение задачи приспособления к любым социальным условиям с целью выжи-

вания в них и, по возможности, комфортного выживания. Поэтому массовый человек – естественный конформист, у него нет позиции, ни ценностной, ни гражданской, ни политической, он не пытается разобраться в проблемах выше проблем его частной жизни. Он легко обольщается «харизматическими» персонами, использующими феномен массового сознания для удовлетворения своего инстинкта власти над людьми. Как охарактеризовал засилье массового сознания в обществе один литературный персонаж, «народ – как табун овец, его вести надо» [8, с. 18]. Это сказал всего лишь литературный персонаж, но под его словами подписались бы авторитетные мыслители от Сократа и Платона до С. Московичи. Массовый человек не понижает уровень общества – он просто самим своим существованием удостоверяет человека и общество, какие они есть реально, выносит запрет на утопии идеального общества, подобно тому как в свое время Французская академия наук вынесла окончательный запрет на рассмотрение проектов вечного двигателя.

В отличие от массового, иначе говоря, обыденного сознания, характеризующегося весьма низкой интеллектуальной рефлексией, научное мышление основывается на таком взаимодействии эмпирического и теоретического его уровней, при котором теоретический уровень абсолютно приоритетен, поскольку продуцирует то, что науку и делает наукой – идеи, гипотезы, концепции, теории. Если же сравнивать научное мышление не с массовым (обыденным) сознанием, а с мышлением философским, то последнее представляет чистое теоретическое мышление, не нуждающееся в эмпирическом тестировании, в то время как научное мышление в таком тестировании нуждается – как в инструменте доказательства объективности научных истин. Само словосочетание «доказательство объективности» предполагает эмпирическое тестирование – соотнесение научных высказываний с реальностью, не зависимой от высказывающихся о ней, от любой человеческой субъективности.

Вот почему наука всегда останется в обществе элитарным занятием, куда закрыт вход массовому человеку. Выполнение научной работы требует высокоразвитого теоретического мышления, каким не обладает массовый человек, и значит, научное развитие способно обеспечиваться явным меньшинством, если не мизерной частью общества. Науке необходимы штучные люди –

элитарной она была до своей институционализации, таковой она остается, преобразовавшись в социальный институт. Отдать науку на откуп массовому сознанию – значит попросту уничтожить ее. Утечка умов из общества, тем более масштабная утечка в кризисных условиях (политических репрессий, войн), развращает массовое сознание, которое, лишаясь высокой умственной планки, погружается в стихию коллективного бессознательного, стихию «Оно», дезориентируется в отношении социальных, цивилизационных правил и норм, и тогда не исключены самые курьезные метаморфозы поведения людей – возможно то, что заслуживало бы названия «социальная шизофрения». XX в. человеческой истории, названный «веком толп», продемонстрировал легкость, с которой даже высококультурные, цивилизованные общества способны впасть в социальную шизофрению – достаточно вспомнить национал-социалистическую Германию. Тем более несет опасность охлократии XXI в., раскрепостивший массового человека технологиями глобальной коммуникации, с помощью которых буквально каждый индивид, в том числе представитель массового сознания, может выходить на глобальную аудиторию без всякого официального разрешения, становиться лидером общественного мнения. XXI в., резко повысивший субъектность общества благодаря этим технологиям, дал массовому сознанию реальную власть, освободив его от официальных разрешительных регламентов. Это, с одной стороны, беспрецедентно демократизировало социум, а с другой – реально усилило в нем охлократическое измерение, не сдерживаемое больше никакими официальными регламентами, т.е. понизило уровень общественного сознания, его интеллектуальную составляющую.

Принесенные XXI в. общественные изменения, играющие на понижение интеллектуальной составляющей социума, стали для науки, сферы высокоразвитого теоретического мышления, прямым вызовом, вынуждающим науку встраиваться в новый социум, искать в нем свою нишу, демократизироваться, открываться обществу с трудной задачей остаться при этом сферой, не размываемой массовым сознанием, для которого наука – не ценность. И научное развитие, именно в секторе общественных наук, приспособливается к новым условиям не тем, что впускает в себя массовое сознание, но тем, что предельно расширяет свой исследовательский,

методологический инструментарий. Инструментарий исследователя-обществоведа больше не регламентируется строгими требованиями научного метода, принятого в естественных науках, где четко разделены эмпирический (сбор эмпирического материала), теоретический (выдвижение гипотез) и проверочный (экспериментальная проверка гипотез) этапы. Этот принятый в естественных науках исследовательский регламент в принципе не переносим на общественные науки в силу самого предмета обществознания, требующего работы с одушевленной, субъективной, психологической, закрытой реальностью. Тем более в условиях резко возросшей субъектности общества XXI в. выработка общественными науками нового исследовательского инструментария, адекватного произошедшим революционным переменам, стала императивной. Уже бесполезен классический (по образцу естественных наук) подход эмпирической социологии, предписывающий «лабораторные» действия с выборками респондентов, вырванных из живого социального процесса, режима реального времени, из которого исследователи вместе с респондентами выпадают, оказываясь в заведомо фальшивой, изолированной в стенах «лаборатории» познавательной ситуации. Нынешние беспрецедентные самоорганизация, скорость и глобальность человеческой / социальной коммуникации подсказывают исследователям новую методологию – не «лабораторную» изоляцию респондентов, а, напротив, выход из «лаборатории» и погружение в живой социальный процесс самих исследователей, которые становятся прямыми участниками новой коммуникационной среды, воспроизводят ее в режиме реального времени, оставаясь ее исследователями. При этом понятно, что взаимодействие эмпирического и теоретического уровней научного мышления будет не таким, какое предписано естественными науками. Естественнонаучное познание – «кабинетное», ученый-естественник в силу неизменности своего предмета исследования имеет неограниченное время на последовательные и возвратные переходы между эмпирическим и теоретическим уровнями познания. Ускоренное же течение социального времени, обязанное новым технологиям человеческой / социальной коммуникации, покончило с иллюзией, будто медленно меняющуюся социальную реальность, какой она была до коммуникационной революции XXI в., можно рассматривать по аналогии с неизменной природной реальностью.

Расставание с этой иллюзией вынудило социологов отказаться от неспешной кабинетной работы и погрузиться в постоянный цейтнот полевой работы, чтобы быть внутри многоголосицы так называемых «больших данных», производимых океаном человеческих коммуникаций. Одно дело – взаимодействие эмпирического и теоретического уровней научного мышления в кабинетной тиши, когда исследователи сами организуют то, что хотят исследовать. И совсем другое дело, когда исследователи оказываются внутри быстро меняющегося калейдоскопа полевых условий, и когда сама исследуемая реальность организует работу научного мышления, вынуждая к невиданной свободе выбора исследовательского инструментария ради получения достоверного знания. В общественных науках XXI в. вполне реализовался «анархистский» принцип философии науки П. Фейерабенда «все проходит»: исследователь волен использовать любые методы, не обращая внимания ни на какие академические каноны, лишь бы эти методы приносили научный результат.

Философия науки давно занимается ключевым механизмом научного мышления – взаимодействием эмпирического и теоретического его уровней. Философами науки предлагались разные модели этого базового механизма производства научного знания. Была странная позитивистская модель, редуцирующая теоретический уровень к эмпирическому уровню и тем самым низводящая научное мышление, в сущности, к обыденному сознанию, т.е. находящаяся в прямом противоречии с природой науки, обязанной высокоразвитому теоретическому мышлению. Поэтому в дальнейшем не могли не возникнуть постпозитивистские модели, вернувшие теоретическому мышлению суверенитет и верховенство. Подчеркивая ключевое значение теоретического мышления в научном производстве, они отводили эмпирическому познанию довольно скромную роль – эмпирической основы выдвижения содержательных теоретических предположений и эмпирической верификации этих предположений. Такую явно подсобную роль эмпирического познания – обслуживания теоретического мышления – еще больше понизил К. Поппер в своей «фальсификационистской» модели научного развития в части эмпирического удостоверения теоретических положений. Согласно К. Попперу, эмпирическое основание принятия или непринятия теорий правильно работает не в попыт-

ках подтвердить теорию – подтвердить можно какую угодно теорию, а в настойчивых попытках ее опровергнуть («фальсифицировать»): неудача эмпирического опровержения теории будет говорить в ее пользу гораздо сильнее, чем ее услужливое эмпирическое подтверждение. Тем самым К. Поппер характеризует научное мышление как мышление именно теоретическое, хотя и опирающееся на эмпирию, но не нуждающееся в такой опоре критически: если теория легко опровергается эмпирически, то это означает лишь ее непродуманность. Он прямо пишет, что наука – это высказывание «смелых предположений» [25; 26]. То есть гипотезы, по К. Попперу, не должны сковываться предварительно и скрупулезно выстроенным эмпирическим основанием – исследователи используют эмпирическое знание творчески, в координатах теоретического мышления, как подсказки, включающие исследовательские интуицию и воображение. В исследовательской практике эмпирическое знание используется примерно так, как использовал его Шерлок Холмс в рамках знаменитого своего дедуктивного метода: (1) отдельные факты наводят на некую гипотезу, из которой дедуцируются ожидаемые факты; (2) если ожидания не подтверждаются, гипотеза корректируется; (3) циклы такой корректировки повторяются до тех пор, пока дедуцируемая из гипотезы эмпирическая реальность не подтвердится, что и будет означать переход гипотезы в разряд достоверного знания.

К. Поппер дает понять, что в отличие от массового человека с его дефицитом теоретического мышления, у человека науки (подобно Шерлоку Холмсу) эмпирическое мышление подчинено теоретическому мышлению, работает внутри теоретического мышления, направляется им. Неслучайно К. Поппер совершил переход от философии науки к философии общества, написав книгу «Открытое общество и его враги» [5]. В его модели науки как средоточия высокоразвитого теоретического мышления легко читается модель общества, развитие которого обеспечивается не массовым человеком с его естественным конформизмом (равнодушием к общественному развитию), а неконформистскими людьми с высоко развитым теоретическим мышлением (необязательно людьми науки), органически выбирающими демократическое общественное устройство («открытое общество»). Тем самым ставится знак равенства между благополучием общества и высоким социальным

авторитетом науки: общество, в котором наука выпадает из реестра верховных социальных ценностей, и высокоразвитое теоретическое мышление не востребуется, маргинализируется, что провоцирует утечку умов, лишено перспектив развития и обречено на застой и деградацию.

Общество XXI в., выстраиваемое технологиями глобальной человеческой / социальной коммуникации, органически предусматривает беспрецедентную открытость, поскольку в нем и массовое сознание, и высокоразвитое теоретическое мышление получают равные возможности проявить себя. Конечно, многое зависит от управляющей структуры данного конкретного общества. Если интеллектуальный уровень управления не выше и, хуже того, ниже уровня массового сознания, то не исключено абсурдное противостояние коммуникационной революции XXI в. Абсурд в том, что противостоять приходится технологической революции, которую нельзя отменить. Например, нельзя отменить даже такую катастрофически опасную технологию, как ядерное оружие. Что же касается мирных технологий, то попытка пойти по лестнице технологического развития вниз (скажем, вернуться от автомобильной технологии к технологии конной тяги) равносильна попытке повернуть время вспять в логике возврата от цивилизации к варварству и дикости. В самом деле, философия науки К. Поппера, возвысившая теоретическое мышление над мышлением эмпирическим, выступила предвестником глобального открытого общества XXI в., в котором востребованное революционными технологиями человеческой / социальной коммуникации высокоразвитое теоретическое мышление установило для массового человека с его слабо индивидуализированным эмпирическим мышлением планку интеллекта, науки. Это глобальное открытое общество, которое называют также «глобальным гражданским обществом» [9; 14; 15], имея в виду его беспрецедентно высокий уровень самоорганизации, возникло не на политической, а на сугубо технологической основе, и поэтому его невозможно «закрыть» – «закрывающая» сторона, вынужденная самой логикой такой попытки абсурдно выступать против научного-технологического-цивилизационного развития как такового, обречена на поражение. В глобальном открытом обществе XXI в., где наука получает статус одной из верховных социальных ценностей, массовое сознание при всей свобо-

де его самовыражения вынуждено сверяться с планкой социально почитаемого высокоразвитого теоретического мышления и не имеет возможности угрожать обществу охлократией, как это было в XX столетии – «веке толп». Таким образом, философия науки К. Поппера, в которой эмпирическому мышлению отведена подсобная роль – обслуживания теоретического мышления, представляет прямой переход к философии и, в XXI в., уже к реальности открытого общества, где массовый человек (олицетворение эмпирического мышления) вынужден вести себя с оглядкой на ценность науки (теоретического мышления).

Не только К. Поппер, но и вся постпозитивистская философия науки зафиксировала в базовом механизме научного развития – взаимодействии эмпирического и теоретического уровней познания – приоритет теоретического мышления над мышлением эмпирическим. Таковы философско-научные концепции Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, М. Поланьи, Л. Лаудана, где, совсем как в Евангелии от Иоанна, «вначале было слово» – идеи, понятия, принципы, а уже потом «дело» – провозглашенная теоретически («словом») эмпирическая реальность, которая становилась осязаемой, превращалась, в терминологии И. Канта, из вещи-в-себе в вещь-для-нас только через теоретическое о себе понятие. Ярko и оригинально этот переход в философии науки от позитивизма к постпозитивизму описал Р. Нола, предоставив персонажам шекспировского «Гамлета» дискутировать от имени позитивистской концепции научного реализма (Гамлет) и постпозитивистской доктрины социального конструктивизма (Полоний). Гамлет – научный реалист говорит Полонию – социальному конструктивисту: вы, социальные конструктивисты, хотите сказать, что теории о так называемом «ненаблюдаемом», к примеру, об электронах, генах, положительных зарядах, инерциальных массах, пространственно-временной кривизне и так далее, не отражают ничего объективного в мире и являются исключительно ментальными конструктами? На что Полоний отвечает: мы интересуемся не тем пустым вопросом, детерминированы или нет объекты науки внешним миром, природой, а тем, как эти объекты дифференцируются, классифицируются, с чем конкретно соотносятся и как представлены в наших теориях, короче, как они конструируются в науке. Вы же предлагаете нам именно фиговый листок реализма, ссылаясь на

некое независимое от мышления бытие в духе неопределенной, непознаваемой кантовской вещи-в-себе или совершенно пустого понятия о «материальном составе» мира. Мы все с этим согласны. Однако мы не кантианцы, а именно неокантианцы, поскольку идем дальше Канта, признавая не только вещь-в-себе, но и возможность ее конструирования, т.е. определения, классификации и так далее. И первый же шаг на этом пути неминуемо превращает нас в конструкторов в полном смысле слова, поскольку уже само предположение, что внешний мир имеет какие-то характеристики, немедленно подчиняет ваш независимый от мышления мир определенной теории. Я говорю только о том, что вы сами сначала населяете мир понятиями «электроны», «гены» и тому подобными, а уже потом начинаете считать их большей или меньшей достоверностью. Ведь именно такова логика познания. Почему же вам нужно вопреки ей объявлять вещь-в-себе до всякого ее определения заведомой достоверностью? По-моему, вы берете на себя функцию Бога. Мы же хотим быть просто людьми и отдавать себе отчет в том, что достоверность, не выдавая ее за некий абсолют, мы по своим слабым силам конструируем сами. Мы не отказываемся от электронных теорий и потому считаем электроны достоверностью, но отвергли флогистонную теорию, и это – основание недостоверности флогистона [24].

Нельзя не заметить: «Полоний» пытается разъяснить «Гамлету», что защищаемая научными реалистами позиция об объективном существовании мира до всякого его познания носит мировоззренческий, философский характер; с этой позицией никто не спорит, но она не дает никакого старта для научно-исследовательской работы. «Полоний» дает понять: научные реалисты – не методологи науки, а философы; не те, кто описывает научное развитие, обязанное инновационному потенциалу теоретического мышления, а те, кто отгораживается от теоретического (научного) мышления мировоззренческими сентенциями, относящимися к разряду мнений. К мнению же, в отличие от знания, требующего значительных мыслительных усилий, обычно просто присоединяются или не присоединяются, что и практикует массовый человек, бездумно пользуясь пропагандируемыми в обществе идеями, какими бы нелепыми они ни были. Тем самым «Гамлет» в споре с «Полонием» оказывается на стороне массового сознания, а не тео-

ретического мышления – на стороне «здорового смысла», а не научного подхода. И весь этот спор – свидетельство того, что философия науки прошла достаточный исторический путь для своей трансформации в методологию науки – из философствования о том, что такое наука, в описание того, как исследователи делают свою работу. Замещение философского вопроса «что» методологическим вопросом «как» снимает проблему взаимодействия эмпирического и теоретического уровней научного мышления, поскольку методологические модели науки, в отличие от философских моделей, реконструируют практику реальных исследователей, которые не задумываются о том, что такое наука и как взаимосвязаны эмпирический и теоретический уровни мышления, а просто решают конкретные исследовательские задачи. Так, в методологических моделях научного развития понятие научной истины становится относительным, историческим, договорным. У К. Поппера это понятие соотносится с условно принятыми, на данный момент сопротивляющимися своему опровержению теориями, у Т. Куна – с историческими парадигмами [2], у И. Лакатоса – с научно-исследовательскими программами [17; 18], у Л. Лаудана – с решениями исторически назревших проблем [19; 20; 21; 22], у П. Фейерабенда – с постмодернистской рамкой безудержного теоретического плюрализма, у М. Поланьи – с характеризующим теоретическое мышление понятием «неявное знание». Вспомним, что понятие истины в науке имеет смысл объективной, иными словами, эмпирически (независимо от любой человеческой субъективности) доказанной истины. И явное понижение статуса этого понятия у перечисленных авторитетных мыслителей XX в. говорит о переносе их интереса с эмпирического основания производства научного знания на теоретическое мышление производителей знания, что и знаменовало трансформацию во многом спекулятивной философии науки во вполне прикладную методологию науки.

С тех пор, как индустриальное общество перешло в стадию постиндустриального развития, когда в социологии устоялись понятия информационного общества, экономики знаний и высоких технологий, общества знаний, управления знанием, когда возник сильный общественный спрос на интеллектуальные профессии, потерял актуальность основной вопрос философии науки: что та-

кое наука в социальном смысле? С появлением постиндустриальной общественной парадигмы стало ясно, что в такой парадигме наука, интеллект, высокоразвитое теоретическое мышление – ключевые, абсолютно необходимые сущности, и с этой ясностью ушло время философии науки и наступило время методологии науки, время прикладного вопроса, как наука делается. Вопрос актуален, поскольку он – о том, как науку, высокоразвитое теоретическое мышление наилучшим образом адаптировать к задачам постиндустриального развития. Такая адаптация необходима для построения экономики (и в целом общества) знаний, для перехода управления с архаики управления людьми или, в более современной вариации, социальными проблемами на управление знанием. Согласно видному теоретику в области управления П. Дракеру (Drucker), которому и принадлежит авторство понятия «управление знанием», компьютерные технологии коммуникации и управления, беспрецедентно ускорившие социальную динамику, соответственно подняли и вес процесса накопления знаний как фундаментального обеспечения социальной динамики. Это и потребовало от управления трансформироваться из традиционного «управления людьми» в «управление знанием» в смысле управления общественным процессом накопления знаний [10; 11]. В отношении же экономики знаний исследователи выявляют следующие ее основные структурные элементы: (1) интеллектуальный (знаниевый) капитал, который в паритете с материальным капиталом капитализирует развитые экономики; (2) интеллектуальные (инновационные) компании, составляющие ведущий сектор экономик, структурно настроенных на инновационное развитие; (3) интеллектуальная занятость – новое экономическое явление, вызванное экономикой знаний, которая потребовала пересмотра сложившейся в индустриальном обществе структуры труда; (4) стоимость, созданная знанием – феномен стоимости, неизвестный до появления экономики знаний; (5) инвестиции в человеческий капитал, т.е. в общественный процесс накопления знаний: в людей, которые непосредственно придают экономике качество экономики знаний – создают интеллектуальный капитал, интеллектуальные компании, интеллектуальную занятость [12; 28]. Общественный процесс накопления знаний является на протяжении всей социальной истории фундаментальным фактором

общественного развития. Однако только в индустриальном обществе знания стали институциональным – в виде института науки – фактором социально-экономического развития. И только в обществе, в котором стала актуальной тема интеллектуальных профессий и менеджмента знаний, экономика уже не просто имела спрос на новые идеи и технологии, но сама трансформировалась в экономику знаний, сама оказалась производителем знаний, интеллектуальной профессией.

Жизнедеятельность человека – существа, наделенного интеллектом, – всегда интеллектуальна. Человеческие умения – всегда знания. В ранних общественных парадигмах, когда давление знаний на общество было еще слабым, отсутствовал и общественный спрос на них. В таких условиях не мог появиться институт науки. Он мог появиться только при общественном спросе на знания, что и произошло на пороге перехода к индустриальной парадигме. Однако в индустриальном обществе отсутствовал специальный спрос на интеллектуальные профессии, менеджмент знаний – было достаточно уже того, что образовался институт науки, институционально поставлявший обществу новые идеи и технологии и, тем самым, «выпустивший пар» общественного спроса на них. Дальнейший технологический прогресс, и именно прогресс коммуникационных технологий, приведший к компьютерным технологиям коммуникации, обусловил рост в мировом обществе индивидуальной активности, конкуренции и тем самым вызвал общественный спрос на знания как обеспечение именно индивидуальной конкурентоспособности, т.е. спрос не «вообще», а весьма заинтересованный и конкретный. В этих условиях индивидуальной заинтересованности в знаниях и возник общественный спрос на интеллектуальные профессии и менеджмент знаний. Знания стали «давить» уже не только на общество, но и на индивида. Нарастающее давление знаний на общество со времени появления индустриального общества по настоящее время перехода индустриальной общественной парадигмы в постиндустриальную парадигму потребовало от науки прямой социально-преобразовательной функции, делающей науку субъектом социального управления, причем фундаментальным субъектом [23]. Показательно, что философия науки в лице К. Поппера пришла к пониманию, что в науке «объективная истина» – это условная категория,

выполняющая роль, скорее, «горизонта» дальнейшего поиска, мотиватора дальнейшего движения. Это и есть понимание науки как развития ради развития, как цели для самой себя, а не как средства для каких-либо других целей. Это и есть понимание человека и общества как развития ради развития.

Реально наука всегда была адекватна целному человеку в его родовом стремлении развивать свои знания и так развиваться самому и развивать общество. Этот родовой для человека рационализм – научный рационализм, включающий в себя все пространство человеческой культуры, – вмещает все исторические смены «картин мира», все «кризисы» на стыках этих «картин». Притом, что «кризисы» рациональности (научной рациональности) вовсе не заслуживают этого своего определения. Напротив, исторические «кризисы» рациональности знаменуют скачки развития человека и общества через совершенствование человеком самого инструмента познания. Поэтому научная рациональность – фундаментальное содержание человеческой культуры, дефицит которого непосредственно сказывается на качестве общества. Общество с дефицитом науки плохо развивается, в нем неизбежно происходит подмена ориентиров, деградация. Так гибли целые цивилизации и, наоборот, возрождались, когда науке давали возможность расширить свое присутствие в обществе, которое сразу демонстрировало развитие [27; 29].

Освобождение человеческой / социальной коммуникации, обязанное компьютерным коммуникационным технологиям, имеет, конечно, и минусы, и плюсы. Минусы – в заметной «дезорганизации» социального пространства, снижении его управляемости. Плюсы – в росте субъектности, самоорганизации общества, определенной утрате им характера «массового» общества, что способствует появлению у индивида сознания своей причастности человеческому роду, а не только группе, организации, своему этносу и так далее. Именно осознание индивидом своей родовой сущности и открывает ему лично и, через статистически значимое число таких индивидов, обществу путь к развитию. Так и возникают хорошие условия для роста присутствия в обществе противоположного массовому человеку индивидуализированного сознания.

Формирование постиндустриальной общественной парадигмы требует нового понимания науки как социальной подсистемы.

Это новое понимание обязано исходить из того, что социальная миссия науки состоит в сообщении обществу устойчивого импульса к инновационному развитию, поскольку сама наука есть инновационное развитие. При несомненной автономии научно-исследовательской и технологической сфер относительно друг друга, обе составляют единство «современной науки». На практике крайне сложно провести границу между научным знанием, преследующим цель объяснения и понимания природы, и знанием технологическим, ориентированным на проверку природы артефактами. Как будто бы ясно: физика – наука, а производство дизельных двигателей – область технологий. Но как быть, например, с термодинамикой, являющей все оттенки перехода от чисто практических интересов до высоких теоретических абстракций, или, допустим, с аэродинамикой, физикой полупроводников, медициной? [16]. То обстоятельство, что технологическая составляющая сложного социального феномена современной науки относительно автономна, стремится укрепиться в обществе в качестве самостоятельной науки, очень символично. Технологический прогресс в составе научного развития, непосредственно обеспечивающий инновационную тенденцию в обществе, указывает и в целом на науку в качестве прямого фактора поддержания в общественной системе инновационного импульса, т.е. самого качества общественной системы, каким и является развитие.

Если базовым механизмом функционирования общественной системы выступает общественный фонд накапливания знаний, то и функционирование социального управления как необходимой структурной части общественной системы обязано механизму накапливания знаний. То есть, управленческая структура общества по самой своей природе обязана быть управлением, основанном на науке, знаниях – не управленцы должны «руководить» знаниями, а знания – управленцами. Это важный просветительский вывод, поскольку официальное управление обычно заблуждается относительно своих взаимоотношений с институтом знаний (науки), приучая и социальный институт науки к ментальности и поведению не эксперта, но государственного служащего, бюджетного работника, находящегося на службе у официального управления. Между тем институт знаний, перестающий выполнять свою экспертную миссию, попросту разлагивает фундаментальный механизм функцио-

нирования общества, и оно, не замечая того, оказывается во власти ошибочного (устанавливаемого официальным управлением) социального регламента. Проблему высветил Ф. Хайек, который в интервью 1982 г. сотрудникам Института Катона (Cato Institute) на вопрос о взаимоотношениях ученого с государственным управлением сказал: «Надо выбирать одно из двух: либо быть ученым, либо консультантом на службе государства. Я много раз переезжал из страны в страну, и мое внимание привлек тот факт, что я начинал собираться в путь каждый раз, как только у государства появлялись на меня виды. В Австрии в конце 1920-х или начале 1930-х годов меня в первый раз пригласили войти в состав какого-то правительственного комитета. Через полгода я покинул страну. В Англии я продержался немного дольше. Через 19 лет я был привлечен к работе Министерства колоний и спустя полгода уехал и оттуда. В Соединенных Штатах, в Чикаго, где я проработал 12 лет, до этого вообще не дошло, потому что, когда мне предложили вступить в состав какого-то комитета, я уже принял решение уехать из этой страны. Кочуя по миру, я избежал разлагающего влияния государственной службы. Печально другое – некоторые мои близкие друзья и сторонники (имен называть не буду), полностью поддерживавшие мои взгляды, после нескольких лет государственной службы деградировали интеллектуально и утратили ясность мышления. Наверное, всем известна история об “одностороннем экономисте”. Глава одной крупной американской корпорации разместил в газете объявление о том, что ему требуется односторонний экономист. Его помощники страшно удивились и попросили объяснить, что это значит. Он ответил: «Мне нужен экономист, который не будет постоянно твердить “с одной стороны, с другой стороны”. Боюсь, что все люди, попавшие на государственную службу, превращаются в “двусторонних экономистов”: они начинают мыслить по принципу “с одной стороны, с другой стороны”. Если человек держится от государственной службы подальше, он остается “односторонним экономистом”, считающим, что есть четкий путь, которому мы должны следовать, но эта убежденность куда-то испаряется, когда он начинает работать на государство. Все мои друзья, которые перешли на государственную службу и оставались на ней хоть сколько-нибудь долго, на мой взгляд, интеллектуально деградировали» [13].

Ф. Хайек в этом интервью высказывает довольно радикальную, но в принципе верную мысль: государственная служба – это среда, которая ментально закрыта для науки, а наука ментально закрыта для государственной службы. Разумеется, такая взаимная закрытость, как и все в обществе, существует в статистическом смысле – в целом, но не для отдельных людей. Действительно, в целом статистически государственная служба построена на отношениях подчинения, исполнительства; это среда, организованная иерархически, вертикально, где не приветствуются «низовые» инициатива, воображение, характерные для научного (высокоразвитого теоретического) мышления. Иными словами, государственная служба – среда, органичная ментальности массового человека с его несамостоятельным, слабо индивидуализированным сознанием. Нормальное общество устроено так, что все его институты, в том числе институт государственной службы и институт науки, не поглощают, а уравнивают друг друга, работают в единой системе общественного развития, в которой находится плодотворное место и массовому сознанию (в той же госслужбе), и высоко развитому теоретическому мышлению (в той же науке).

Список литературы

- Боулдинг К. Общая теория систем // Исследования по общей теории систем. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 117–119.
- Кун Т. Структура научных революций. – 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1977. – 300 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 3. – Москва : Гос. Изд-во политической литературы, 1955. – 650 с.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. Т.П. Емельяновой. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
- Поппер К. Открытое общество и его враги : пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. – Москва, 1992. – Т. 1–2.
- Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. – Москва, 2003. – № 2 (226). – С. 104–115.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М.Н. Ботвинника, Б. Функа. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 384 с.
- Шолохов М.А. Поднятая целина : роман / послесловие И.А. Бондаренко. – Ростов : Ростовское книжное издательство, 1981. – 560 с.

Baber Z. A name for a stray dog – global civil society // *International sociology : Journal of the international sociological association*. – London, 2008. – Vol. 23, N 2. – P. 237–245.

Drucker P. *Post-capitalist society*. – Oxford : Butterworth Heinemann, 1993. – 204 p.

Drucker P. *The new realities*. – Oxford : Harper&Row, 1989. – 292 p.

Edvinsson L., Malone M. *Intellectual capital. Realizing your company's true value by finding its hidden roots*. – New York : Harper business a. Division of Harper publishers, 1997. – 240 p.

Interview with F.A. Hayek, Cato Policy Report, February 1983 // *Toward Liberty* / Ed. By David Boaz. – Cato Institute, 2002. – P. 17–26.

Kaldor M. *Global civil society: An answer to war*. – Cambridge : Politypress, 2003. – 200 p.

Keane J. *Global civil society?* – Cambridge : Cambridge university press, 2003. – 234 p.

Kroes P. *Methodology of the technological sciences: Introduction* // *Methodology a. science*. – Haarlem, 1987. – Vol. 20, N 3. – P. 1–7.

Lakatos I. *Falsification and the methodology of scientific research programmes* // *Criticism and the grows of knowledge*. – Cambridge, 1970. – P. 91–195.

Lakatos I. *History of science and its rational reconstructions* // *Boston studies in the philosophy of science*. – Dordrecht, 1970. – Vol. 8. – P. 91–136.

Laudan L. *Progress and its problems*. – Berkeley, etc, 1977. – 257 p.

Laudan L. *Realism without the real* // *Philosophy of science*. – East Lancing, 1984. – Vol. 51, N 1. – P. 156–162.

Laudan L. *Theories of scientific method from Platoto Mach: A bibliographic review* // *History of science*. – Chalfont St. Giles, 1968. – Vol. 7, N 1. – P. 1–63.

Musgrave A. *Problems with progress* // *Synthese*. – Dordrecht, 1979. – Vol. 42, N 3. – P. 458–459.

Nasser M. *Science-technology-society (STS): A new paradigm in science education* // *Bulletin of science, technology&society*. – 2009. – Vol. 29, N 4. – P. 287–297. DOI: 10.1177/0270467609336307

Nola R. *There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamed of in your philosophy : A dialogue on real is mand constructivism* // *Stud. hist. phil. sci.* – New York, 1994. – Vol. 25, N 5. – P. 689–727.

Popper K.R. *Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge*. – London : Routledge a. Paul, 1972. – 431 p.

Popper K.R. *Objective knowledge : An evolutionary approach*. – Oxford, 1972. – 380 p.

Sabra A. *The appropriation and subsequent naturalization of Greek science in medieval Islam : A preliminary statement* // *History of science*. – Chalfont St. dies, 1987. – Vol. 25, N 69. – P. 223–243.

Sakaiya T. *The knowledge-value revolution, or a history of the future*. – New York : Kodansha America Ltd., 1991. – 379 p.

Saliba G. *The role of Maragna in the Renaissance* // *Rev. desynthese*. – Paris, 1987. – T. 108. – N 3/4. – P. 361–373.